Последняя улыбка Серебряного века. Строчки и кумиры Ирины

Вадим Викторович Эрлихман

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Статья из журнала «Родина». — 2015. - № 6. — С. 14–19.

- Вадим Эрлихман
  -
  - «Девятнадцать жасминовых лет»
  - Летние туфельки в мешке
  - Первая ученица Гумилева
  - Встреча с Георгием Ивановым
  - «Ты вышел вдруг, веселый и живой…»
  - Возвращение в Россию

Вадим Эрлихман
Последняя улыбка Серебряного века
Строчки и кумиры Ирины Одоевцевой, родившейся 120 лет назад

Вернувшись в Россию на заре перестройки, она соединила нашу повседневность с далеким, почти нереальным Серебряным веком. И она же подвела под этим веком черту, через несколько лет уйдя из жизни. Этого уже достаточно, чтобы ее имя оказалось вписано в историю литературы.

«Девятнадцать жасминовых лет»

Нашумевшие мемуары связывают Одоевцеву с Невой и Сеной, но первой ее рекой была Даугава, Западная Двина, на берегах которой она появилась на свет в… Тут-то и начинаются загадки. Справочники называют датой ее рождения июль 1895 года, но сама она в разное время говорила про март или сентябрь. А в Петрограде начала 20-х, войдя в творческую среду, убавила себе шесть лет и писала в стихах про «девятнадцать жасминовых лет». Уже в старости она утверждала, что состарила себя специально, чтобы попасть вместе с мужем в приют для престарелых.

Истину выяснить трудно — в архивах до сих пор не нашлась метрика Ирины Одоевцевой.

Точнее, Ираиды Густавовны Гейнике, как ее звали на самом деле. Отец Густав-Адольф Трауготович был лифляндским немцем, мать — дочерью русского купца. Поэтесса утверждала, что ее звали Ириной Одоевцевой, от чего будто бы и пошел псевдоним дочери. Но вполне возможно, что Ирина-Ираида выдумала псевдоним сама: в мемуарах она безбожно перевирала даты, имена, строчки стихов…

«Я пишу не о себе, а о тех, кого мне было дано узнать…». Она делала это так ярко и с такой любовью, что ошибки можно простить.

Летние туфельки в мешке

Ее творческая натура рвалась в столицу. А раннее замужество в тихой Риге сулило традиционную триаду «kinder — kuche — kirche». И если бы не Первая мировая война… С приближением фронта семья перебралась в Петроград, купив большую квартиру на Бассейной (ныне улица Некрасова).

Правда, муж Сергей Попов потерялся где-то по дороге… «Хороший человек… женился потом на любовнице, муж которой застрелился», — равнодушно обронит она через много лет в мемуарах. Формально они развелись только в 1921 году, общались и позже, она даже посвятила ему первый сборник стихов «Двор чудес». Но в кипении революции Ирину захватили совсем не семейные страсти.

Спектакли, концерты, поэтические чтения шли сплошной чередой, несмотря на войну, а потом и на революцию. Лишь в 1918 году петроградская интеллигенция обнаружила, что из магазинов пропали продукты, дома перестали отапливать и освещать, да и столицу вдруг перенесли в Москву.

Зато жить стало еще интереснее!

Ирина не помнила, что она ела и ела ли вообще. Вместе с подругами она бегала на балы в огромных нетопленых особняках, бесстрашно бродила по ночному городу в материнской котиковой шубке и валенках, с мешком, в котором лежали единственные летние туфли. Чтобы выделяться на фоне других, носила большой черный бант («я маленькая поэтесса с огромным бантом» — самые, пожалуй, известные ее строки). Но и без банта ее украшали рыжие кудри и слегка косящие зеленые глаза, из-за которых всю жизнь сравнивала себя с кошкой.

Отец вернулся в Латвию, ставшую независимой, мать умерла от тифа, в их петроградскую квартиру вселили два десятка постояльцев, оставив Ирине — «буржуйке» — самую маленькую комнату. Но она никогда не жаловалась, бодрилась и в меру сил ободряла других. И в любой компании звучал ее заливистый смех.

Какой-то случайный гость долго допытывался, где здесь наливают: «Эта девушка точно клюкнула, без вина такой веселой не будешь!»

Сама признавалась: «Меня всегда спасал мой характер. Я по натуре счастливый человек. Обычно о счастье говорят или в прошлом, или в будущем времени. Я ощущаю полноту жизни всегда».

Первая ученица Гумилева

В конце 1918 года она записалась на занятия в «Институт живого слова». На первую лекцию Николая Гумилева шла с замиранием сердца: герой, охотник на львов, муж Анны Ахматовой. И застыла: как он некрасив, как не похож на поэта! Гумилев сидел прямой, как палка, и деревянным голосом говорил, что поэзия такая же наука, как математика, и что ей нельзя научиться, не прочтя многотомную «Натурфилософию» Кара.

Потом оказалось, что это была его первая в жизни лекция, и он от страха говорил все, что приходило в голову.

Она решилась показать мэтру свои стихи, конечно же, слабые и подражательные, и он беспощадно разбранил их. Она плакала, решила не ходить на занятия Гумилева, но в итоге признала его правоту и сожгла тетрадку со стихами в печке. А потом настал день, когда наставник похвалил ее. И через несколько дней, встретив после занятий, предложил проводить. К тому времени он расстался с Ахматовой, женился на Анне Энгельгардт и отослал жену с маленькой дочкой к родным в Бежецк.

С тех пор учитель и ученица постоянно гуляли вместе. Она не раз бывала у Гумилева на Преображенской. «Напишите обо мне балладу», — попросил он однажды; эту просьбу она выполнит гораздо позже, в Париже. В другой раз предсказал: «Вы скоро будете знаменитой».

Гумилев познакомил ее со всеми питерскими знаменитостями, от Блока до Мандельштама. И лишь Ахматова ополчилась против Одоевцевой, до конца жизни называла ее интриганкой и бездарностью, уверяла, что Гумилев ухаживал за ней исключительно в пику бывшей жене: «На самом деле он никого, кроме меня, не любил».

Гумилев и впрямь воспринимал Ирину скорее как друга, да и она не была увлечена им: «Как мужчина он был для меня не привлекателен». Но в это не очень-то верили. Анна Энгельгардт тоже встревожилась и уже после гибели мужа сочла нужным утвердить свои права: «Я вдова, а она всего лишь первая ученица!»

Первой ученицей Гумилева ее называли все, и Корней Чуковский даже предложил ей носить на шее плакат с этими словами.

Встреча с Георгием Ивановым

Известный поэт Георгий Иванов в своих мемуарах навыдумывал о себе еще больше Одоевцевой. Но именно он помог ей стать знаменитой. В апреле 1920 года на квартире Гумилева его ученики читали стихи приехавшему из Европы Андрею Белому. Одоевцевой учитель предложил прочитать «Балладу о толченом стекле» — страшноватое повествование о торговце, продававшем вместо соли толченое стекло и наказанном за это потусторонними силами. Причем ранее мэтр забраковал эту простую, почти детскую по стилю вещь, упрятав ее в папку под названием «Братская могила неудачников». И вот теперь достал оттуда…

Одоевцева, запинаясь от страха, прочла. И присутствовавший на вечеринке Иванов неожиданно разразился бурными комплиментами: «Это вы сами написали?! Не может быть! Это то, что сейчас нужно — современная баллада!»

Похвалы он воспроизвел и в прессе, после чего Одоевцева проснулась знаменитой. Георгий Адамович вспоминал: «Кто из посещавших тогда петербургские литературные собрания не помнит на эстраде стройную, белокурую, юную женщину, почти что еще девочку с огромным черным бантом в волосах, нараспев, весело и торопливо, слегка грассируя, читающую стихи, заставляя улыбаться всех без исключения, даже людей, от улыбки в те годы отвыкших?»

Все мне было удача, забава
И звездой путеводной — судьба.
Мимолетно коснулась слава
Моего полудетского лба…

Теперь уже Иванов провожал ее домой. Гумилев переживал это молча. Да и увлечен он был совсем не личными делами. А потом наступил август 1921 года, черный для литературного Петрограда: сначала похороны Блока, потом панихида по расстрелянному и закопанному неизвестно где Гумилеву. А в следующем месяце Одоевцева стала женой Георгия Иванова.

Через много лет она напишет: «Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни людей я считаю самым замечательным, мне было бы трудно ответить — слишком их было много. Но я твердо знаю, что Георгий Иванов был одним из самых замечательных из них».

«Ты вышел вдруг, веселый и живой…»

Иванов был в числе тех, кто добровольно потянулся вслед за насильно высланными из России на «философском пароходе». За границей Ирина Одоевцева познакомилась с теми, кого не успела узнать на Родине, — Бальмонт, Игорь Северянин, Сергей Есенин… Супруги сняли две комнаты в центре Парижа, не имея других забот, кроме как заботиться друг о друге. Георгий, верный своей привычке, не работал. Деньги, которые состоятельный Густав Гейнике присылал из Риги, бесхозяйственная пара быстро проматывала. Ирине пришлось взять содержание маленькой семьи на себя.

Когда-то в Риге она гордо заявила издателю газеты «Сегодня» Мильруду: «Я — поэт Ирина Одоевцева и рассказов не пишу!» В Париже с гордостью пришлось расстаться. С 1926 года она забросила стихи и начала писать рассказы. Один из первых, «Падучая звезда», понравился скупому на похвалы Бунину, который добавил в разговоре: «Говорят, эта Одоевцева прелесть какая хорошенькая». За рассказами последовали романы — «Ангел смерти», «Изольда», «Зеркало», разруганные критиками. Англофил Набоков попенял, что авторша не знает английской жизни (а откуда ей знать?). Милюков со всей кадетской строгостью заявил: «Пора сказать талантливой молодой писательнице, что дальше — тупик». Марк Слоним отметил, что она «никак не может удержаться на линии, отделяющей бульварную литературу от просто литературы»…

Однако эмигранты, особенно женщины, охотно читали ее романы. Она и себя изменила на европейский манер, превратившись из кудрявой куклы с бантом в коротко стриженную «леди-вамп» из голливудских фильмов. Набоков язвил, что она не отличает гольф от бриджа — назло ему она освоила обе эти игры.

В1932 году умирает ее отец, оставив дочери большое состояние. Уставшие от нужды супруги снимают громадную квартиру в районе Булонского леса, покупают мебель и золото, путешествуют по всему миру. И вот тут-то на них наваливается тоска — то ли по родине, то ли по ушедшей молодости…

Именно в эти годы Иванов пишет самые беспросветные свои стихи и скандальные мемуары, из-за которых от него отвернулись многие столпы эмиграции. С приходом немцев Иванов и Одоевцева, как многие, бежали из Парижа на юг, в курортный Биариц, где продолжали жить на широкую ногу. Разлетались слухи, что они принимали у себя немецких офицеров и пили с

ними за победу Германии. Иванов потом открещивался от этого…

Благодарности от нацистов он не дождался — они отобрали виллу в Биарице, заставив супругов ютиться в пляжном домике. Парижская квартира была разбита американской бомбой, и после освобождения столицы они поселились в отеле «Англетер». Иванова выдвинули на Нобелевскую премию как лучшего русского поэта, но безуспешно (вскоре ее получил другой русский поэт, Борис Пастернак). От тоски он начал пить — «еда стоит слишком дорого, а вино доступно всегда».

Годы шли, силы и деньги убывали. Они поселились в самой дешевой гостинице, от сырости Одоевцева заболела. По совету врачей супруги перебрались в пансион южного городка Йер, где доживали свой век эмигранты-испанцы. Верная себе, она и здесь видела только светлое: «В доме престарелых жилось хорошо, и даже празднично…» Вот только у Георгия Иванова от жары болело сердце, но ради жены он остался в Йере.

В его «Посмертном дневнике» большинство стихов посвящены Одоевцевой: «Я даже вспоминать не смею, какой прелестной ты была…»

Он умер в августе 1958 года, написав перед смертью два письма-завещания: эмигрантам и Советскому правительству. В обоих одна просьба: позаботиться о его вдове, которая «никогда не имела антисоветских взглядов».

Его памяти она посвятила пронзительные стихи:

Скользит слеза из-под усталых век,
Звенят монеты на церковном блюде.
О чём бы ни молился человек,
Он непременно молится о чуде:
Чтоб дважды два вдруг оказалось пять
И розами вдруг расцвела солома,
Чтобы к себе домой прийти опять,
Хотя и нет ни «у себя», ни дома.
Чтоб из-под холмика с могильною травой
Ты вышел вдруг, весёлый и живой.

Возвращение в Россию

Похоронив мужа, Одоевцева перебралась в другую богадельню — Ганьи в пригороде Парижа. Там, по настоянию друга-поэта Юрия Терапиано, она написала и в 1967 году издала первую книгу своих мемуаров «На берегах Сены». Там же встретила своего третьего мужа.

Яков Горбов, ее ровесник, бывший царский офицер, работал в Париже таксистом, в годы войны вступил добровольцем во французскую армию, был тяжело ранен и попал в плен. Жизнь ему будто бы спасла книга, которую он всегда носил на груди и которую пробила пуля — роман Одоевцевой «Изольда» (правда, и об этом мы знаем только от нее). В доме престарелых он лечился, а жил в своей квартире на улице Касабланка. Там и поселилась Ирина Владимировна, решившая согреть заботой последние годы своего верного поклонника. Они прожили вместе чуть больше трех лет; в 1981 году Горбов умер, она опять осталась одна. Через два года появилась вторая книга мемуаров, не вызвавшая интереса во Франции. Зато оба тома взахлеб читали в СССР — вместе с прочей контрабандной диссидентской литературой.

Потому-то в начале перестройки журналистка Анна Колоницкая, оказавшись в Париже, первым делом бросилась разыскивать Одоевцеву. И, наконец, услышала в трубке глуховатый грассирующий голос: «Приходите, конечно, только дверь откройте сами — ключ под ковриком». Одоевцева была прикована к постели после перелома шейки бедра и нескольких неудачных операций. Выслушав гостью, всплеснула руками: «Боже мой, вы, должно быть, ангел! Дайте мне дотронуться до вас, чтобы я поверила».

Анна с ходу предложила ей вернуться на родину, но сказать было проще, чем сделать. К делу подключился собкор «Литературной газеты» в Париже Александр Сабов, пробивший первую публикацию о поэтессе…

В апреле 1987 года 92-летнюю поэтессу усадили в самолет Париж — Ленинград. В городе серебряной юности ее ждал восторженный прием, городские власти выделили квартиру на Невском проспекте, обеспечили пенсию и медицинский уход. Довольно быстро были изданы обе книги мемуаров Ирины Одоевцевой — с цензурными изъятиями, зато такими тиражами (250 и 500 тысяч!), какие на Западе даже представить было нельзя. Она надеялась издать свои стихи и романы, закончить начатую в Париже третью книгу воспоминаний — «На берегах Леты»…

Слушая по радио политические дебаты (телевизора у нее не было), с беспокойством спрашивала: неужели я вернулась, чтобы стать свидетелем новой революции? Потому и жить предпочитала прошлым. Литературовед Н. Кякшто писал: «Она сумела воссоздать в своем доме атмосферу литературного салона Серебряного или постсеребряного века: к ней в гости приходили молодые литераторы, артисты, начинающие поэты, просто интересующиеся искусством люди — она всем открывала свое сердце, всех радовала и вдохновляла».

В последние годы Одоевцева плохо видела, временами заговаривалась, но сохраняла всегдашнее жизнелюбие. За несколько недель до ее смерти Анна Колоницкая (написавшая о ней книгу воспоминаний «Все чисто для чистого взора») по просьбе одного из биографов спросила, в какой последовательности Гумилев жил с двумя своими возлюбленными. Ирина Владимировна засмеялась и ответила со своим неповторимым грассированием: «Одновременно, Аня! Одновременно!»

Она умерла 14 октября 1990 года и была похоронена без всякого ажиотажа на Волковом кладбище. Уйдя к берегам своей последней реки, она оставила нам живые портреты современников, на фоне которых ее собственное отражение почти не видно. Всегда восторгавшаяся другими, вечно недовольная собой — может быть, она была довольна именно таким исходом:

«Я ИСЧЕЗЛА. Я — СТИХОТВОРЕНЬЕ…»

Вадим Эрлихман, кандидат исторических наук
«Родина». — 2015. - № 6. — С. 14–19.